

УДК 392.6:17

ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗОВ ПОЛА И ЛЮБВИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КУЛЬТУРЕ XIX – XXI СТОЛЕТИЙ

А.М. Страхов

Белгородский государственный университет. 308000, г. Белгород, ул. Преображенская, 79;
e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

В статье рассматривается эволюция образов пола и любви в русской культуре последних столетий. Традиционно-нормативные версии образов пола и любви трансформируются в маргинальные (русский модерн). В русском постмодерне приходят деструктивные образы. В современной отечественной культуре наблюдается смешение традиционных, маргинальных и деструктивных образов пола и любви.

Ключевые слова: эволюция, образ, культура, пол, любовь.

Трансформация отечественной культуры на протяжении последних трех столетий выразилась и в эволюции важнейшей культурной составляющей – половой культуры (здесь и далее речь идет о культуре государствообразующего этноса, которой, конечно, российская культура с ее пестрой этноконфессиональной палитрой отнюдь не ограничивается). О сколько-нибудь заметной эволюции образов пола и любви в России уместно говорить начиная с позапрошлого века, когда в традиционной российской культуре начинают проследиваться модернистские тенденции.

Традиционные образы пола и любви, представленные прежде всего в русском Православии, определялись патриархальной общественной моделью, отводящей женщине с позиций «богатырского идеала» в общественной и семейной жизни подчиненную роль. «С богатырской точки зрения женщина – существо слабое не только физически, но и нравственно и умственно», – отмечает И.Е. Забелин [1]. Взаимоотношения полов строго регламентировались нормами морали и права. Браки заключались не столько по любви (хотя любовь воспевалась и ценилась, что следует, в частности, из многочисленных русских народных сказок), сколько по воле родителей, причем решающее значение придавалось экономическим факторам. «Стерпится – слюбится», считало большинство русских людей; И.С. Тургенев, например, не исключал возможности супружеского счастья при домостроевском варианте заключения брачного союза, о чем он пишет в «Первой любви» и в «Отцах и детях». В целом в русском обществе, особенно в духовном и в самом многочисленном крестьянском сословиях присутствовали уважительное отношение к институту брака, освящаемому таинством венчания, и уверенность в нерасторжимости брачных уз: А.П. Чехов среди причин, по которым жены следовали за своими мужьями, ссылаемыми на Сахалин, выделяет и «крепкое убеждение, что разлучить мужа и жену может один только бог» [2]. Практиковался двойной стандарт в половой морали: в отличие от мужчин для женщин обязательным являлось сохранение до вступления в брак физиологического целомудрия. (В «Прапорщике армейском» А.И. Куприна развратная Кэт жалуется подруге, что не замужем, почему не может себе позволить связи с понравившемся ей армейским офицером, человеком не ее круга, но свежим, здоровым и страстным). Мужские измены осуждались формально, женские нередко жестоко наказывались, о чем свидетельствует история России и русская художественная литература, в частности, М. Горький в «Выводе». «Я знал, что за измену у нас, в Заволжье, женщин обнажают, мажут дегтем, осыпают куриными перьями и так водят по улице. Знал, что иногда затейливые мужья или свекры в летнее время мажут “изменницу” патокой и привязывают к дереву на съедение насекомым. Слышал, что изредка изменниц, связанных, сажают на муравьиные кучи...», – пишет он [3]. Женская

сексуальность игнорировалась, матери-одиночки и гражданские браки морально осуждались. Проституток презирали и жалели. В целом для русской половой культуры был присущ приоритет брака над чувством и духовного над сексуальным, было свойственно развитое чувство стыда, причем постыдной считалась сексуальная сфера, которая допускалась как неизбежное средство производства детей и в которой все отклонения от господствующей морали объявлялись извращениями. Разумеется, сурово преследовалась однополая любовь.

Однако, идеализировать половую мораль русского народа, как это склонен делать, например, в книге «Русская цивилизация» О.А. Платонов, не следует – имели место многочисленные отступления от норм. В русском национальном самосознании («русской душе») причудливо сочетались звериное и святое (С.А. Аскольдов), святость и свинство, звериное и ангельское (Н.А. Бердяев), в сфере взаимоотношения полов преломляемые как аскетические настроения и распушенность, разврат. И русская художественная литература демонстрирует амбивалентность образов литературных персонажей, определяемую обозначенной оппозицией святого и звериного, святости и страстности (на что обращает внимание С.М. Климова).

По мере перехода от традиционной культуры к модерну традиционно-нормативные версии образов пола и любви сменяются на маргинальные. Маргинальные тенденции в образах пола и любви прослеживаются уже в XIX столетии, приобретая новые импульсы в условиях советского тоталитаризма, отличающегося, однако, частичным возвратом к традиционно-нормативным версиям. Наблюдается рационализация взаимоотношения полов, на что обращает внимание, например, А.П. Чехов – «Соловьи, розы, лунные ночи, душистые записочки, романсы... Все это ушло далеко, далеко... Шептаться в темных аллеях, страдать, жаждать первого поцелуя и проч. теперь так же несвоевременно, как одеваться в латы и похищать сабинянок», – пишет он [4]. В разных вариантах провозглашается равенство полов, в том числе как в идеале абсолютное равенство, что было характерно для носителей лево-радикальных убеждений. Так, А.А. Богданов описывает ситуацию на Марсе, где в условиях победившего социализма мужчины и женщины не только носят одинаковую одежду, но и тела их все меньше искажаются «двумя несходными направлениями», свойственными эксплуататорскому обществу, разделяющему социальные функции полов: «...мужское и женское сложение сходны в большей мере, чем у большинства земных племен: сравнительно широкие плечи женщин, не так резко благодаря некоторой полноте выступающая мускулатура мужчин и их менее узкий таз сглаживают разницу» [5]. Н.Г. Чернышевский выступил категорическим противником унижающей, по его мнению, женщину мужской галантности. Культ любви и прекрасной незнакомки, провозглашенный авторами Серебряного века, оказался в унаследовавшем взгляды Чернышевского советском обществе не востребовавшимся. Э.И. Квининг требовал отказа от женских «чар», способных «очаровать, победить и покорить иногда очень стойких революционеров» [6], а С.Н. Смидович отмечала: «Новый тип женщины выковывается на наших социалистических фабриках и заводах. Там можно наблюдать, правда, медленный, но многообещающий рост женщин будущего, красота которых ничего общего не имеет с вечно женственной красотой, воспетой поэтами старого времени» [7].

В русской философской мысли второй половины XIX – начала XX вв. имеет место отступление от традиционно-нормативной версии образов пола и любви. Так, Н.Ф. Федоров, доводя пренебрежение физиологической стороной взаимоотношения полов до абсурда, подменяет деторождение воскрешением, В.В. Розанов, наоборот, возводит половую любовь и деторождение в культ. Тот же Розанов обрушивается на традиционные представления о моральном законе и норме. Вполне в русле современных представлений он отмечает: «“Развратом” называется, когда совершающееся у двоих переходит в зрение или слышание не участвующего третьего; и есть (кажется) “разврат” для этого третьего, и есть разврат его (любопытство развращенного)» [8]. Философ делает вывод, что

развратных действий нет, есть лишь развратные разговоры, зрелища, литература, картинки, т.е. все, что выходит за пределы интимного взаимоотношения двоих. Область половой жизни, убежден Розанов, «индивидуализирована», хотя в ней и присутствует душа, она биологическая, а не моральная или «анти-“моральная”», у каждого она своя, другая. «Моральный закон, – пишет Розанов, – неправо вторгнувшись в не свою область, расслоил совокупления на “нормальные”, т.е. ожидаемые, и “не нормальные”, т.е. “не желаемые”, причем эти не желаемые не желаются теми, которые их не желают, и в высшей степени желаются теми, которые их желают и в таком случае исполняют» [9]. Аналогичные мысли высказывал и Н.А. Бердяев: «Научно невозможно провести такую резкую границу между “нормальным” и “естественным” в поле и “ненормальным” и “противоестественным”. Эта граница проводилась не естественным положением вещей, а обычной социальной моралью, в которой всегда так много условного» [10]. Но в отличие от Розанова Бердяев задумывается о принципиальной аномальности самого полового акта.

Социальные потрясения 1917 г. ознаменовались такой переоценкой прежних ценностей в сфере взаимоотношения полов, что можно констатировать: социальную революцию сопровождала революция сексуальная. Объективной основой либерализации половой морали и кризиса семейно-брачных отношений выступила гражданская война, что отмечают Н.К. Крупская и Борис Пильняк. Крупская (не без удовлетворения) пишет: «Война больше, чем что другое, расшатала те устои, на которых покоились старые семейные отношения» [11]. Оба автора свидетельствуют, Крупская в публицистической, Пильняк в художественной форме, как женщины, чтобы доставить продовольствие голодающей семье, были вынуждены рассчитывать с красноармейцами из заградительных отрядов телом. Объявились провозвестники свободной любви типа А.М. Коллонтай с ее призывами дороги крылатому Эросу и критикой старого брака с позиций свободной «любви пчел трудовых», большую популярность приобрела пресловутая теория «стакана воды». Любовь уступает место в молодежной среде встречами на месяц, на неделю, на ночь. Не остается места для галантности. В рассказе П.С. Романова «Суд над пионером» председатель пионерского суда упрекает «сына честного слесаря», уличенного в ухаживании над пионеркой: «Если она тебе нужна была для физического сношения, ты мог честно, по-товарищески заявить ей об этом, а не развращать поднимаем платочков, и мешки вместо нее не носить» [12]. Иной была позиция властей, которые восприняли свойственный отечественной интеллигенции аскетизм, на словах, правда, отрицаемый. При И.В. Сталине с первой русской сексуальной революцией покончили.

В СССР провозглашались ценности прочной и построенной на взаимной любви семьи, вновь нормы морали и права стали вторгаться в частную интимную жизнь. По-прежнему преследовалась однополая любовь. Однако, чему способствовала демографическая ситуация, мать-одиночка поддерживается общественным мнением и государством. В целом наблюдалось смешение традиционно-нормативных версий образов пола и любви с маргинальными, но уже в 60-е гг. начинается, параллельно с западной, вторая русская сексуальная революция, точнее, первый ее этап, проходящий латентно и вялотекущее, затрагивающий преимущественно молодежные слои городского населения, но готовящий почву для второго этапа, развернувшегося с крахом тоталитарного строя и совпавшего уже с российским постмодерном. В результате первого этапа происходит ресексуализация женщины, обязательность сохранения физиологической девственности сменяется безразличием к женскому добрачному сексуальному опыту, приоритет брака над чувством заменяется приоритетом чувства над браком, любовь допускается и вне и без брака. Приходит понимание (официозом не разделяемое – наблюдается все большее расхождение принципов «коммунистической морали» и реальных общественных процессов), что интимная сфера взаимоотношения полов не подлежит нормативной регламентации. Проституция властью игнорируется, а общественное мнение проституток уже не презирает и жалеет, а ненавидит и даже завидует.

Если русская литература позапрошлого и начала прошлого столетия о любви, пусть трагической, постоянно речь вела, то авторы, отражающие и выражающие сексуальную революцию, любви фактически не показывают. Любовь в ходе второй русской сексуальной революции девальвируется, а маргинальные образы пола и любви сменяются деструктивными. В 80-е гг. XX в. уже новое «младое племя развелось», представительниц которых описывает Виктор Ерофеев. «Зимой они носят свитерки на голое тело и разнообразные джинсики, под которыми вы ничего не найдете, кроме узеньких трусиков, которые они ежедневно меняют, и почти ежедневно моют голову, и мило пахнут туалетной водой, ненавидят колготки и даже в морозы норвят в шерстяных носочках, но р м а л ь н о относятся к мату и к Набокову, в работе прежде всего ценят свободное расписание, не очень любят танцевать, зато хорошо пожрать – это любят, и еще любят сказать, показывая на мужика: “Я его трахнула”», – пишет он [13].

К свободе в том, что прежде находилось под гласным и негласным запретом, Россия «дорвалась» в 90-е гг. прошлого века, что ознаменовало второй этап второй сексуальной революции. Эотику, как и в советское время, в постсоветской России продолжали путать с порнографией (граница между ними, конечно, достаточно условна), но если в доперестроечном СССР едва ли не все попытки осветить сексуальную сферу в искусстве объявлялись порнографией, то ныне под видом эотики стала протаскиваться порнография. Уже не любовь, а секс служит предметом многочисленных обсуждений на многих телеканалах («Секс с Анфисой Чеховой» на ТНТ; «Сексуальная революция» на ТDK; «Азбука секса» на МузТВ), ушел в прошлое идеализированный образ русской женщины, взамен пришла космополитическая «секс-бомба», вооруженная знаниями из «Энциклопедии обольщения». Сексуальность эксплуатируется рядом тоталитарных религиозных сект, широко представлена в современной рекламе, в том числе в рекламе сексуальных услуг. С «коммерческим сексом» в России сложилась ситуация «ни мира, ни войны». С одной стороны, проституция не легализуется, с другой – имеет место фактическое в ее отношении попустительство: коммерческий секс в России безопасен в отношении закона и правоохранительных органов! Необходимо безотлагательное и ответственное решение: либо проституцию разрешить и тем самым хотя бы часть последней вывести из тени, обеспечив правовую защиту, санитарный контроль и налоговые поступления, либо запретить с соответствующим ужесточением остающегося пока беспомощным законодательства.

Постмодернистские образы пола и любви сохраняют преемственность с рядом модернистских представлений, обладая при этом спецификой. Равенство полов оборачивается поворотом индустрии секса к женщине. Все чаще появляются отцы-одиночки. Широко практикуются сожительства без взаимных обязательств. Открыто демонстрируются прежние «извращения», сохранение физиологической девственности становится постыдным. В искусстве представлены нецензурная лексика и натурализм, когда как самоцель, когда как средство. Усложняются биоэтические аспекты взаимоотношения полов. Девальвация любви, которой уже не живут, а занимаются, оборачивается не только деперсонификацией полового партнера, но и грозит полным исчезновением последнего в результате грядущей сексуально-технической революции – «резинковая кукла» уступает место принципиально новым технологиям, когда виртуальный «кибер-секс» удовлетворит все самые причудливые фантазии клиента, превратив антропологический кризис в антропологическую катастрофу, возможно, необратимую.

Тем не менее специфика российского модерна оставляет место осторожному оптимизму. В свое время отечественный модерн проявил сочетание модернистских и традиционных установок, постмодерн – не исключение. И здесь смешение традиционно-нормативных, маргинальных и деструктивных образов пола и любви, что позволяет И.В. Кондакову отметить «мозачное “панно”» современной русской культуры. «По сравнению

с русской культурой классического периода (XIX в.) отечественная культура XX в. представляет собой интертекст исключительной сложности. Возникший к концу XX в. небывалый по своей противоречивости и драматизму “синтез” всех предшествующих культурных тенденций – классических и неклассических, созидательных и разрушительных, тоталитарных и антитоталитарных, поверхностных и глубинных, – объединенных в одно конвергентно-дивергентное целое (фактически – *псевдосинтез*) как итог, кульминация культурно-исторического развития в XX в.», – пишет он [14]. Более того, в настоящее время заметно усиливается влияние Русской Православной Церкви как носителя традиционно-нормативных версий образов пола и любви, а последние несмотря на все революционные изменения, продолжали играть существенную роль в российском обществе. Не случайно, в отличие от толерантного Запада (где наметились «контрреволюционные» процессы, что тоже не может не обнадеживать) значительная часть россиян довольно бурно реагируют на демонстративную активность сексуальных меньшинств, вплоть до физических воздействий (в частности, погромов гей-клубов). Показательна статья А. Горбачева «Откуда растут “голубые” ноги» [см. 15], в которой автор в иронических, а порой саркастических тонах объясняет половую свободу Запада историческим рабством, отсутствующим в отечественном прошлом. Природа однополый любви показана специалистами, клеймить гомосексуализм как извращение и третировать представителей сексуальных меньшинств, конечно, не гоже, но и провоцировать «традиционалов» гей-парадами и прочими публичными акциями «воинствующему гомосексуализму», наверное, тоже не стоит. Интимная сфера не нуждается в широкой огласке, это касается и доступности эротических и порнографических материалов, и рекламы «коммерческого секса». Шансы для реабилитации любви в человечестве и в России есть. И не важно, как этот этап во взаимоотношении полов называть – постнеклассический, контрреволюционный, мультикультуралистский, биархатный или постпостмодернистский – в сочетании и взаимовлиянии традиций и новаций возродится любовь, без которой человечество, по словам В.В. Розанова, «рассыпалось бы холодным и ненужным мусором» [16].

Список литературы

1. Забелин, И.Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях./И.Е. Забелин.//Быт и нравы русского народа в XVI и XVII столетиях. – Смоленск: Русич,2002, С.282.
2. Чехов, А.П. Остров Сахалин./А.П. Чехов. Собр. соч. в 12 т. Т.10.- М.: ГИХЛ,1963, С.271.
3. Горький, М. «Вывод»./М. Горький. Собр. соч. в 18 т. Т.1. – М.: ГИХЛ,1960, С.187.
4. Чехов, А.П. Брак через 10-15 лет./А.П. Чехов. Указ. соч. Т.3,1961, С.336.
5. Богданов, А.А. Красная звезда (роман-утопия)/А.А. Богданов. Вопросы социализма: Работы разных лет. – М.: Политиздат,1990, С.149.
6. Квиринг, Э.И. Жены и быт./Э.И. Квиринг.//Партийная этика: (Документы и материалы дискуссии 20-х годов. – М.: Политиздат,1989, С.364.
7. Смидович, С.Н. О «давидсоновщине»./С.Н. Смидович.//Там же, С.393-394.
8. Розанов, В.В. Мимолетное. 1915 год./В.В. Розанов. Мимолетное. – М.: Республика,1994, С. 232.
9. Розанов, В.В. Люди лунного света./В.В. Розанов. Уединенное. – М.: Правда,1990, С.30.
10. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека./Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства в 2 т. Т.1. – М.: Искусство,1994, С.189.
11. Крупская, Н.К. Война и деторождение./Н.К. Крупская. Педагогич. соч. в 10 т. Т.6. – М.: АПН,1959, С.7.
12. Романов, П.С. Суд над пионером./П.С. Романов. Избранные произведения. – М.: Худож. литература,1988, С.250.
13. Ерофеев, Виктор. Девушка и смерть./Виктор Ерофеев. Жизнь с идиотом. *Рассказы молодого человека.* – М.: Зебра Е,2002, С.85-86.
14. Кодаков, И.В. Цивилизационные трансформации. Введение./И.В. Кондаков.//Современные трансформации российской культуры (Россия на перекрестке культур). – М.: Наука,2005, С.10.
15. Горбачев, А. Откуда растут «голубые» ноги./А. Горбачев.//Дуэль. – 2006. – № 29[477], С.5.

16. Розанов, В.В. Кроткий демонизм./В.В. Розанов. Религия и культура. – М.: Правда, 1990, С.203.

EVOLUTION OF IMAGES OF SEX AND LOVE IN RUSSIAN CULTURE OF XIX – XXI CENTURIES

Strakhov A.M.

Belgorod State University, Preobrazhenskaya st., 78, Belgorod, 308600, Russia;
e-mail: strakhov@bsu.edu.ru

The article examines evolution of images of sex and love in Russian culture of last centuries. Traditional-normative versions of images of sex and love transfer into marginal (Russian modern). Destructive images are taking place in Russian post-modern. The mixture of traditional, marginal and destructive images of sex and love is observed in the our culture of modernity.

Key words: evolution, image, culture, sex, love.

